

Н.С.ЛЕСКОВ. ОТ ПРОБЛЕМЫ «НАРОДНОСТИ» К ИДЕЕ
«ПРАВЕДНИЧЕСТВА».

Н.С.Лесков вошел в историю русской литературы создателем особого типа героя – героя-праведника. Как отмечал биограф писателя А.И.Фаресов, Лесков видел силу своего таланта в способности изображать «положительные типы русских людей». «Весь мой 2-й том под заглавием «Праведники» представляет собою отрадныя явления русской жизни, - передает Фаресов высказывание Лескова. – Эти «Однодумы», «Пигмеи», «Кадетские монастыри», «Инженеры бессеребренники», «На краю света» и «Фигура» - положительные типы русских людей. Этому тому сочинений я придаю наибольшее значение. Оно явно доказывает, был ли я слеп к хорошим и светлым сторонам русской жизни» [1, с.381].

Эти слова Лескова относятся к 1880-м гг. Однако его идея «праведничества» развивалась в течение двух с лишним десятилетий. Поэтому не раз упоминаемый писателем «праведнический цикл» рассказов четких временных и тематических границ не имеет: в названный им второй том сочинений вошли «Очарованный странник», «Левша», «Несмертельный голован», «Русский демократ в Польше», «Шерамур», но не были включены «На краю света» и «Фигура», которые сам автор считал рассказами о праведниках. Лесков, таким образом, переносил свои мировоззренческие позиции позднего периода на ранние произведения, что позволяет говорить о том, что «праведничество» для писателя имело нравственно-этическое значение и обуславливало все его творчество.

Идея «праведничества» формировалась у Лескова постепенно. Сказывалось и знание народной жизни, и научные изыскания

мифологической литературоведческой школы, которыми он, несомненно, интересовался, и журнальные полемики о народности, в которых он участвовал в начале своего творческого пути.

Как вспоминал Лесков, он вырос «в народе на гастомельском выгоне с казанком в руке» [2, т.11, с12], делил с «гастомельскими бородачами» их крестьянские заботы, радости и горести и был с народом «свой человек». Позже, став агентом частной коммерческой компании «Скотт и Вилькинс», Лесков разъезжал по всей России, которую увидел «с возка и барки». Он вместе с переселяемыми к Жигулям орловскими крестьянами плывал по Волге, тряся в тарантасах бок о бок с купцами, приказчиками, мелкими чиновниками по тамбовским дорогам, ночевал в скверных провинциальных гостиницах и постоялых дворах, узнавал человеческую природу, слушал житейские рассказы, исповеди, анекдоты.

Этот период лесковского комивояжёрства менее всего известен. Но по лаконичным характеристикам и скупым сведениям, разбросанным по его письмам, статьям и произведениям, можно с уверенностью сказать, что именно тогда, в 1857-60 гг., Лесков приобрел «обширные знакомства» с различными и порой не лучшими сторонами русского быта и понял, что «Россия имеет свои особенности, с которыми нельзя не считаться» [2, т.11, с.8].

Знание русской жизни, полученное «не по писаному», позволило ему в 1861 г. стать полноправным и активным сотрудником отдела «истории русской литературы и народности русской и западной» в журнале «Русская речь». В то время этот отдел возглавлял видный ученый-филолог Ф.И.Буслаев. Именно его влияние особенно ощутил на себе Лесков, делавший первые шаги в художественном творчестве и публицистике. Позднее, встретившись с Буслаевым в 1873 г. за границей, писатель дружески сойдется с ним, а в 1878 г. посвятит ученому повесть «Некрещеный поп».

Проблема народности, актуализированная крестьянской реформой

1861 г., стала центральной в русской художественной литературе, в критике, в публицистике, в филологической науке. Но на фоне публикаций, претендующих на конечную истину в суждениях о народе, которыми пестрели все печатные издания («Современник», «Русское слово», «Вестник Европы», «Время» и т. д.), Буслаев в работе «Русские духовные стихи» (1861) высказал парадоксальную, казалось бы, мысль: «Русский народ – в его прошедшем и настоящем – неизвестная для нас величина. <...> Надобно <...> оценить и темные стороны русской народности, и вместо того, чтоб против них юношески донкишотствовать, следует беспристрастно указать им надлежащее, законное место в экономии прочного, без крупных скачков, исторического хода русской истории» [3, с.321]. Понятно, что этот полемический выпад ученого был направлен, прежде всего, против революционно ориентированных публицистов «Современника» с их стремлением к немедленным и кардинальным социальным преобразованиям. Лесков тоже весьма скептически относился ко всем тем, кто «усиленно торопил историю» (Б.Ф.Егоров), предвещая фатальную неизбежность революционного переворота. Достаточно вспомнить его антинигилистические романы «Некуда» и «На ножах», которые возмущенная «прогрессивная» печать сочла пасквилем на демократически настроенную молодежь.

В статье «Русские люди, стоящие не у дел» (1861) Лесков развил тезис Буслаева о двойственности русской национальной жизни, причудливо соединившей добро и зло, темное и светлое, нравственное и безнравственное. Он доказывал, что народ не выше действительности. Его жизнь определяется «реальностью бытия всего общества», то есть теми социально-политическими условиями, в которых этот народ существует, воспринимая все пороки и мораль окружающего мира. Вот почему, считал Лесков, народ, «как Ноев ковчег», не может хранить «безупречную идеальную нравственность». «И в этом народе жила взятка, когда он мирскими сходами «по сердцам» сек бедного мужичонка и мирскими приговорами «за вино и

посулы» освобождал от рекрутства «хозяйских детей» и сдавал в военную службу горемычных «бобылей - вдовьих кормильцев» [4, с.128]. Как и Буслаев, он выступал против создаваемых в общественном сознании мифов о народе-страдальце (Н.А.Некрасов), народе-бунтаре (Н.Г.Чернышевский и Н.А.Добролюбов), народе-хранителе патриархальных ценностей (А.Н.Островский), народе-социалисте (А.И.Герцен). Оспаривал Лесков также и идею «народа-Богоносца» Ф.М.Достоевского, являющуюся краеугольным камнем его почвеннической программы.

В Объявлении о подписке на свой журнал «Время» (сентябрь 1860 г.) Достоевский призвал интеллигенцию воспринять из рук народа свято хранимый «миллионами серых зипунов» идеал Христа и его заветы. Этот идеал представлялся Достоевскому той почвой, той «русской идеей», на основе которой и возможно только объединить всю нацию.

Лесков был далек от того, чтобы искать в народной жизни воплощение высших нравственно-религиозных ценностей. В отличие от Достоевского Лесков в начале 1860-х гг. был склонен видеть в ней скорее темные, чем светлые и благообразные стороны. Достаточно вспомнить его повести и рассказы «Разбойник» (1862), «Овцебык» (1863), «Язвительный» (1863), «Житие одной бабы» (1863), «Леди Макбет Мценского уезда» (1865). Более того, он явно разделял мнение Буслаева, что наш народ «не христианин, а еретик».

Однако следует иметь в виду, что это замечание Буслаев относил к «низовой» народной культуре, особенности которой он выводил, изучая русский фольклор и апокрифические произведения древнерусской литературы. Ученый писал, что в них преобладали еретические явления («еретическое служение», «еретические догматы»), отражающие надежду на будущий Божий «безапелляционный суд» в потустороннем мире, где только и маячит исход из «гнетущего, противного настоящего» [3, с.321].

Лесков, в свою очередь анализируя древнерусские апокрифические сочинения, отмечал, что в русском народе нет глубокого понимания

религиозных догматов, но прочно живет потребность в богопознании и стремление уяснить себе истины вероучения. Поэтому «нужно содействовать народному развитию» и помогать народу «сделаться христианином, ибо он этого хочет и это ему полезно <...>» [4,с.131].

Лесков, таким образом, доводит рассуждения Буслаева до логического конца и ставит вопрос о необходимости религиозного образования народа, без которого невозможно дальнейшее развитие его нравственного и общественного сознания. Однако определенность эта мысль получит позже, в 1880-е гг., а в 1860-е гг. в прозе самого Лескова появляются герои, обладатели души «доброй, христианской», «горящие необъятной любовью и нежностью к людям» [2, т.1, с.32], которых позднее он назовет «праведниками».

Казалось бы, призывы к «религиозному образованию» народа должны были в конце концов идейно сблизить Лескова с Достоевским. Однако в 1870-е гг. их окончательно развило отношение к православной церкви. Для Достоевского, мечтавшего о «государстве с церковью во главе», этот институт представлялся главным нравственным арбитром в личной и политической жизни. Лесков же пришел к выводу, что «церковь наша в настоящее время не отличается жизнедеятельностью. <...> В обществе нашем пали идеалы, и оно все более и более погружается в меркантилизм и становится глухо и немое ко всяким высшим вопросам» [5.С.90]. Забытая дискуссия 1861 года с Достоевским о народности вновь обретает актуальность. Но теперь спор идет не только о национальном характере, но и обуславливающей его национальной идее. Достоевский считал, что «русский народ весь в православии – более у него ничего нет, да и не надо, потому что православие – все».

Лесков в статьях «О сводных браках и других немощах», «Об обращениях и совращениях» и др. констатировал кризис официального православия и высказывал сомнения, что церковь может быть вождем нравственным. А праведником он называл того, кто совершал в обыденной

жизни свои нравственные подвиги, выходящие за рамки канонизированной святости («Герои и праведники» (1877)).

Идейные разногласия привели писателей к взаимной личной неприязни. Достоевский желчно и пренебрежительно назвал Лескова «специалистом и экспертом в православии», иронизировал над «невежественным» в вопросах религии и церковной истории автором «Соборян» и сомневался в подлинности его религиозных чувств. Лесков, в свою очередь, смеялся над идеей «соборности и общечеловечности», обвинял Достоевского в «мистическом народничестве» и незнании церковного быта и народной духовной культуры. А в заметках «О куфельном мужике» (1886) Лесков аттестовал Достоевского с его призывами «идите к мужику» носителем абстрактно-мистического взгляда на народную религиозность, который, по сути, народа не знает и не знает, зачем «к народу идти» [2, т.11, с.150-151]. Как отметил Л.А. Анненский, «общего языка нет, хотя оба писателя решают одну задачу: оба пытаются применить нравственный абсолют к человеческим ценностям и человеческие ценности к реальной жизни». «Фигурально говоря, оба строят один замок, но тот (Достоевский – М.С.) – с воздуха, а этот (Лесков – М.С.) – с земли. Из небесной бездны земная глубь не различается: связи почти нет; возникает не связь, а аннигиляция...» [6, с.304].

Исследователи не раз ставили рядом имена Достоевского и Лескова как писателей религиозных. Но следует учитывать, что Достоевский всегда оставался православным человеком, для которого и церковные традиции, и религиозно-мистический смысл «русской веры» имели в нашей культуре определяющий смысл. По Лескову, русская православная церковь превратилась в фальсификатора заповедей Того, Кого писатель именовал «повешенным на кресте праведником» [2, т.2, с.529]. Поэтому заслуживают обличения ее «тысячи пошлостей и подлостей».

Лесков, который, начиная с 1860-х гг. и до последних дней так много писал о религиозной жизни русского народа, хорошо знал мир старообрядцев

и сектантов, сам искал «истинную веру». Но к 1880-м гг. он фактически отвернулся от православия («у нас византизм, а не христианство») и пришел к проповеди внеконфессионального христианства. В очерках «Мелочи архиерейской жизни» (1878), «Синодальные персоны» (1882) и повести «Полунощники» (1891) он противопоставил православных, но по сути безнравственных персонажей (Марья Мартыновна, Аичка), ждущих помощи от известного священника (его прототипом был Иоанн Кронштадтский), Клавдиньке. Она далека от привычной церковной жизни, но принимает религию, основанную на сострадании к ближнему и деятельном участии в его судьбе. Лесков все более убеждает себя в том, что народ стремится приложить евангельское учение к практической жизни.

В 1880-е гг. Лесков создает серию художественно обработанных византийских «легенд из жизни первых христиан»: «Повесть о богоугодном дровоколе» (1886), «Скоморох Памфалон» (1887), «Зенон-златокузнец» (1890). Сюжеты этих произведений были заимствованы из «Пролога» - древнерусского сборника житий и сказаний. Адаптируя истории византийских святых к русской жизни, Лесков стремился доказать, что в борьбе с грехом человек не должен рассчитывать на помощь церкви. Победить его (грех) он может только «силой собственной воли». По сути, идея праведничества, характерная для православия, становится у Лескова идеей «самоправедности», отрицающей, как писал С.Н.Булгаков, «искупительную жертву Христа и благодать, подаваемую Церковью Христовой» [7, с.12-13]. Следует отметить, что создал «религию самоправедности» Л.Н.Толстой в 1880-1890-е гг. («Христианское учение», «Путь жизни», «В чем моя вера», «Царство Божие внутри нас»), сведя христианство к практической морали. Лесков, независимо от автора этих трактатов, в 1870-е гг. пришел к мысли, что православие – лишь внешний атрибут народности, а исполнение церковных таинств и молитвы не есть гарантия праведности («Юдоль», «Полунощники», «Заячий ремиз»). Не случайно в конце жизни в лице Толстого он находит идейную поддержку и,

по существу, единомышленника, о чем свидетельствует активная переписка писателей.

Вопрос «Лесков и Толстой» выходит за рамки данной работы. Следует лишь отметить, что идея «самоправедности» Толстого и идея «праведничества» Лескова произрастают из одного корня: неприятия несправедливого и жестокого мира, изменить который может только сам человек, если в душе его живет искра Божья.

Изучив все стороны русской жизни, Лесков был далек от ее идеализации. В 1860-е гг. он ставил вопрос о «религиозном образовании» народа как условия его нравственного возрождения. В последнее десятилетие творческой деятельности писатель предложил конкретное его решение: образовать народ на основе «правильно прочитанного Евангелия». При этом важнейший библейский постулат: «вера без дела мертва есть» - Лесков понимал буквально и считал «делание» условием существования христианской морали, т.е. праведничеством. В ранних публикациях Лесков писал о двойственности русского национального характера, хотя и не был склонен абсолютизировать его темные стороны. В конце концов, он пришел к убеждению, что народ – понятие абстрактное и носителем идеала Христа является не масса, а конкретная личность.

Литература.

1. Фаресов А.И. Против течений: Н.С.Лесков: Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. – СПб., 1904.
2. Лесков Н.С. Собр. Соч.: В 11 т. – М.: Художественная литература, 1958.
3. Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи // Русская речь. 1861. № 21. 12 марта.
4. Лесков Н.С. Русские люди, стоящие не у дел // Русская речь. 1861. № 60. 27 июля.
5. Лесков Н.С. Очерки из истории Тамбовского края // Гражданин. 1874. № 4. 26 января.
6. Анненский Л.А. Три еретика. – М.: Книга, 1988.
7. Булгаков С.Н. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н.Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей». – М., 1913.

УДК 882.09

Смолякова М.С. Н.С. Лесков. От проблемы «народности» к идее «праведничества»// Веснік МДУ імя А.А. Куляшова –

В статье анализируется процесс становления идеи праведничества в мировоззрении и творчестве Н.С.Лескова. Исследуется ее связь с центральной в 1860-х гг. общественно-политической и эстетической проблемой народности. Отмечается идейное влияние литературоведческой мифологической школы на представление Лескова о сущности народной жизни и своеобразии лесковской трактовки народности в начале его творческого пути. Рассматриваются общественно-политические и нравственно-этические позиции Лескова в дискуссиях с представителями демократической критики и культурно-исторической литературоведческой школы о проблемах народности. Прослеживаются основные этапы идейного расхождения Лескова с Ф.М.Достоевским по вопросу о народном идеале и православии. Доказывается внеконфессиональная природа представлений Лескова о праведности и идейная близость лесковской идеи праведничества и толстовства.

Библиография – 7 названий.

Summary

The article deals with the analysis of N. Lescov's world outlook evaluation and his attitude to the folk problem.